

УДК 811.161.1' 37

ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ СЕМАНТИЗИРУЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
 (на материале данных психолингвистического эксперимента)
T. Ю. Кузнецова

THE MEANING AND SENSE OF SEMANTIZING EXPRESSIONS
 (on the basis of psycholinguistic experiment data)
T. J. Kuznetsova

Рассматривается соотношение понятий «значение» и «смысл» слова и их реализации в семантизирующих высказываниях говорящих на материале психолингвистического эксперимента. Изучение соотношения данных языковых категорий предполагает постановку гипотезы: в словарях любое толкование значения отражает лишь часть смысловых признаков, соотносимых с языковым знаком; потенциальный же смысл лексической единицы располагает весьма широкими возможностями своей реализации в речевом воплощении.

The relation of the definitions “meaning” and “sense” of a word and their semantization in the expressions of the speakers is analyzed on the basis of psycholinguistic experiment data. The analysis of the relation between these linguistic categories allows to put forward the following hypothesis: any interpretation of the word meaning in dictionaries reflects only a part of all sense characteristics referred to linguistic sign, whereas, the potential sense has a lot of opportunities of realization in speech.

Ключевые слова: «значение» и «смысл», обыденная лингвистика, рядовой носитель языка.

Keywords: “meaning” and “sense”, ordinary linguistics, ordinary native speaker.

Задачей настоящей статьи является рассмотрение соотношения понятий «значение» и «смысл» слова и их реализации в семантизирующих суждениях говорящих. Предметом исследования при этом является особенность репрезентации значения слова в контексте. Смысл слова «раскрывается» в его толкованиях, подобно тем, которые мы встречаем в толковых словарях» [5, с. 19]. В зависимости от определенных условий, можно говорить о языковой вариативности, специфика которой и заключается в актуализации конкретного смысла, признака денотата в высказывании.

Изучение феномена значения и смысла в семантизирующих высказываниях говорящих предполагает формулировку следующей гипотезы, подлежащей экспериментальной проверке: в словарях всякое толкование значения отражает лишь часть смысловых признаков, соотносимых с языковым знаком; потенциальный же смысл лексической единицы располагает весьма широкими возможностями своей реализации в речевом воплощении.

Для проверки данной гипотезы мы используем метод психолингвистического эксперимента, цель которого – обнаружить актуальные смыслы слова в семантизирующих высказываниях говорящих и соотнести их со значением слов, зафиксированных в толковом словаре. В эксперименте участвовали 50 студентов Кемеровского государственного университета в возрасте от 18 до 22 лет. Анализу были подвергнуты слова русского языка, относящиеся к денотативной лексике «Натурфакты», референтная зона «Растительный мир» (*подорожник, береза, крапива*), референтная зона «Животный мир» (*чайка, буревестник, аист*). Реципиентам предлагалось заполнить анкеты со следующим заданием: *Какое значение имеют данные слова?*

Проблеме соотношения понятий «значение» и «смысл» в отечественной и зарубежной лингвистике посвящено достаточно много исследовательских ра-

бот (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Леонтьев, И. А. Стернин; Дж. Лакофф, Г. Фриге, Ч. Филмор и др.).

При обсуждении этого вопроса общепризнанными являются следующие положения:

1. *Значение и смысл – категории нетождественные*

Современная семасиология не располагает на сегодняшний день однозначным толкованием внутреннего, концептуального содержания понятий «значение» и «смысл». Все это не может не способствовать развитию дискуссий в отечественной и зарубежной лингвистике. Условно можно говорить о двух диаметрально противоположных подходах при рассмотрении данных языковых категорий. Представители первого направления склонны считать «значение» и «смысл» понятиями синонимичными. Такое отождествление находим в лексикографической практике. Толковые словари определяют смысл через значение, а значение, в свою очередь, через смысл, рассматривая, таким образом, данные категории как «синонимы, хотя и не абсолютные» [4, с. 303]. Ср. смысл – 1. разум, рассудок; 2. внутреннее логическое содержание, значение чего-либо, постигаемое разумом; 3. разумное основание, назначение, цель. Значение – 1. смысл, содержание понятия; 2. важность, значительность; 3. влияние, роль в жизни, предназначение [8, с. 160 – 161; 617 – 618]. Смысл – 1. внутреннее логическое содержание, значение чего-либо, постигаемое разумом; 2. разумное основание, назначение, цель; 3. разум, разумность. Значение – 1. смысл, содержание; 2. важность, значительность; 3. влияние, роль в жизни, предназначение [2, с. 368; 1220].

Однако при всем разнообразии подходов и, несмотря на известные противоречия, «современная семасиология дает основание полагать, что «значение» и «смысл» – понятия нетождественные» [1, с. 72].

Представители второго подхода актуализируют тенденцию к дифференциации понятий «значение» и «смысл», восходящей к классической теории Г. Фреге о значении и смысле и реализуемой в ряде современных лингвистических исследований [Бондарко, 1978; Кобозева, 1994; Кравец, 2001; Новиков, 2006; Стернин, 1985]. Характер иллюстративного (лексикографического) материала оказывается, как отметила И. М. Кобозева, недостаточным для того, чтобы убедиться в предположении о семантической нетождественности значения и смысла. На пути решения данного вопроса ученых-лингвистов объединяет общее заключение, согласно которому смысл традиционно рассматривается:

- как одна из потенциальных реализаций значения в коммуникативном пространстве;
- как определенное обозначение «одной из возможных совокупностей признаков, при помощи которых мы обозначаем и выделяем один и тот же круг предметов» [10, с. 98].

Окружающий человека предметный мир многообразен, соответственно наделен неисчерпаемым множеством признаков. Дифференцируя данные признаки, субъект имеет возможность отличать один предмет от другого, совокупность предметов от другой совокупности, связывая при этом признаки со словом, их обозначающим. Иллюстративным, на наш взгляд, является пример из статьи лингвистического энциклопедического словаря, в которой представлены различные номинации конкретного героя (Коровьева) из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: *гражданин, клетчатый, субъект, регент, перевозчик, Фагот*. Все эти выражения характеризуют одно и то же лицо, но при этом каждый раз выделяют и актуализируют его разные качества или функции. Говорящий «выбирает для номинации лишь те признаки, которые позволяют правильно идентифицировать» [6, с. 444], с его точки зрения, субъекта.

Итак, в ходе рассуждений мы наблюдаем наметившуюся тенденцию противопоставления значения как категории, неотделимой от языкового знака, и смысла как потенциальной актуализации значения (признака) предмета.

2. *Значение – категория инвариантная (относительно стабильная во времени), закрепленная за определенным языковым знаком; смысл же – категория изменчивая во времени, варьируемая в объеме, величина ситуативно и контекстуально обусловленная*

Любая актуализация значения в контексте представляет собой смысловое варьирование, т. е. «кого семантическое варьирование по составу компонентов» [10, с. 85]. Языковой знак и закрепленное за ним значение, будучи помещенным в контекст, приобретает «нередко уникальный смысл, который в его плане содержания оказывается величиной вариативной, окказиональной» [7, с. 83].

Конкретный предмет, мыслимый нами в разных своих проявлениях (в зависимости от актуализации определенного признака в речевой ситуации), соот-

носим в лингвистической практике с таким понятием, как денотат (референт); а признаки (смысл) – с сигнификатом.

Денотат – «(от латинского *denotatum* – обозначаемое) – обозначаемый предмет» [6, с. 128 – 129]. Другими словами, денотат – это то, что соответствует языковому знаку. Г. Фреге отмечал, что «денотат – это вещь, на которую знак указывает» (цит. по [5, с. 18]). Однако для того, чтобы соотнести знак с денотатом, необходимо задействовать психические (мыслительные) механизмы. Таким внутренним, мыслительным содержанием языкового знака является сигнификат.

Сигнификат – «(*significatum* – обозначаемое) – понятийное содержание знака языкового» [6, с. 444]. В традиционной логике понятийному содержанию языкового знака, или сигнификату, приблизительно соответствуют следующие понятия: «смысл» (Г. Фреге), «интенсионал» (Р. Карнап) и некоторые другие термины.

Денотат, отмечает Г. Фреге, всегда определяется смыслом выражения. Само по себе значение слова представляет собой относительно абстрактную, отвлеченную от носителя языка категорию. Вне речевого воплощения смысла понятийного содержания лексической единицы «ничего вообще нельзя сказать о денотате знака» [5, с. 18]. Не интерпретируемое слово лишено какого-либо смысла. В связи с этим, значение слова – это его абстрактное содержание, «обусловленное значением языковых единиц, а смысл – его конкретное прагматически обусловленное содержание» [3, с. 53].

3. *Носителем значения «являются языковые единицы (слово, морфема, предложение), носителем смысла – как указанные языковые единицы, так и более крупные коммуникативные единицы (сверхфразовое единство, текст)*» [3, с. 54]

Вышеизложенные положения представляют собой традиционное понимание категорий значения и смысла. Использование данного подхода в настоящей работе в качестве основного, базового отражает нашу концепцию, согласно которой только интерпретируемое, комментируемое, толкуемое слово обладает потенциальным спектром смыслов.

Слово, как известно, содержит комплекс смысловых компонентов, которые актуализируются в процессе его функционирования, в том числе в процессе его толкования носителями языка. Согласно нашим наблюдениям, характер актуализации этих компонентов в разных типах толкования может существенно различаться. Закрепленное за словом значение может в отдельных случаях совпадать с выделяемым носителем языка смыслом слова или не совпадать, что обусловлено, с одной стороны, спецификой речевой ситуации, контекстом употребления слова, с другой – стремлением к субъективному восприятию семантики.

Для наглядности представим некоторые фрагменты словарных статей слова *подорожник* и потенциальные смыслы, актуализируемые в семантизирующих высказываниях по данным психолингвистического эксперимента (см. таблицу).

Так, сравнение соответствующих словарных статей с данными психолингвистического эксперимента позволяет сделать вывод о том, что в семантизирующих высказываниях носителей языка присутствуют почти все элементы значения этого слова, отмеченные в словаре, а именно: место произрастания, размер (форма) листьев и цветов и особенность произрастания. В настоящей статье мы не касаемся вопроса о «качественном» совпадении компонентов значения смысла, зафиксированных в словаре, и смысловых компонентов, актуализируемых говорящими. К примеру, если сравним такой признак, как особенность произрастания, то убедимся, что в ответах респондентов признак особенность произрастания растения будет «качественно» отличаться от того же самого признака, зафиксированного в словарях. Ср.: *Подорожник* – «трава, растущая в виде колоса» (фрагмент совокупного словарного толкования). – *Подорожник* – «растение, растущее кустиком» (данные психолингвистического эксперимента). Нет в словарях только двух семантических элементов: описывающих целебные свойства растения и цвет. Вместо этого, как в словаре русского языка в 4-х томах [8], так и в словаре С. И. Ожегова [9], есть семантические элементы значения – *сорная*,

луговая трава, соответственно, отсутствующие в толкованиях респондентов. Как видим, семантические компоненты смысла, акцентирующие внимание на целебных свойствах растения и его цвете, наиболее частотны в семантизирующих высказываниях говорящих. В связи с этим, проанализировав приведенные в таблице толкования слова *подорожник*, мы обнаружили значимые элементы смысла этого слова, без которых его лексикографическое содержание оказывается описанным неполно. Думается, актуализация определенных смысловых компонентов слова в сознании носителей языка связана с антропоцентричностью восприятия и использования этих смыслов в процедуре толкования. В то время как лексикограф при составлении словарной дефиниции апеллирует к стандартизованным моделям ее составления. Так, любая словарная статья в толковом словаре должна отражать объективные, внешне наблюдаемые свойства денотата. Отчасти по этой причине составление словарных дефиниций тяготеет к некоторому энциклопедическому описанию. Смысл же лишен подобных стандартов или моделей, поэтому формулировка смысла вариативна в языковом сознании.

Таблица

**Фрагменты словарных статей «Словаря русского языка» в 4-х томах,
«Словаря русского языка» С. И. Ожегова и данных психолингвистического эксперимента**

Слово	«Словарь русского языка» в 4-х томах	«Словаря русского языка» С. И. Ожегова	Смысл	Примеры (данные психолингвистического эксперимента)
Подорожник	лЛуговая трава с широкими листьями и мелкими цветками в соцветиях в виде колоса, растущая преимущественно около дорог.	Сорная луговая, обычно придорожная, трава с мелкими цветками, собранными в колос.	Целебные свойства растения – 56,5 %; цвет – 4,3 %.	<ul style="list-style-type: none"> - <u>Целебные свойства</u>: целебное растение, помогает остановить кровь, растет у дороги; растение, обладающее целебными свойствами, растущее вдоль дороги; растение для залечивания ран; лекарственное растение, способствующее заживлению ран, ссадин; прикладывают к ушибленному месту – 56,5 %; - <u>место произрастания</u>: растет у дороги; растет вдоль дороги; растущее вблизи дороги; придорожное растение – 36,9 %; - <u>размер (форма)</u>: с небольшими листами; имеет форму листа; с широким плоским листом – 6,4 %; - <u>особенность произрастания</u>: растет низко к земле; растущее кустиком – 4,3 %; - <u>цвет</u>: зеленого цвета – 4,3 %.

Языковой материал располагает достаточным количеством примеров толкования названий растений, в которых в качестве важных признаков отмечается их полезность, практическая значимость для человека. *Береза* – «березовый сок, поддерживает тонус»; «дерево <...> и целебным свойством сока»; «активное с 6 до 9 утра, облегчает страдания, ус-

коряет выздоровление». Ср.: *Береза* – «лиственное дерево с белой корой» [8, с. 80]. *Береза* – «лиственное дерево с белой корой и сердцевидными листьями» [9, с. 42]. *Крапива* – «народная медицина»; «лекарственное растение»; «применяется в лечебных целях»; «полезная трава». Ср. *Крапива* – «травянистое растение с жгучими волосками на листьях и

стеблях» [8, с. 120]. Крапива – «травянистое расщепление с обжигающими волосками на стебле и листьях» [9, с. 268].

Таким образом, при семантизации названий растений рядовой носитель языка не апеллирует к научным признакам, соотносимым с денотатом, например, род, вид, семейство и т. д., а обнаруживает иные, наиболее существенные, с его точки зрения, смыслы.

Полученные в ходе проведения эксперимента толкования говорящими названий животных также подтверждают нашу гипотезу о том, что словарные дефиниции не в полной мере, а лишь частично, отражают смысловые признаки, соотносимые носителем языка со словом. Причем происходит это «не всегда в соответствии с психологической осознанностью носителями языка приоритетности тех или иных сем, степени их употребительности, известности» [7, с. 94 – 95]. Так, большинство семантизирующих высказываний о слове *аист* содержит следующую информацию: «приносит детей»; «по легенде приносящая младенцев»; «люди верят, что она приносит счастье и младенцев»; «птица приносит детей по преданию»; «долгожданный гость в дружной ячейке общества». Ср.: *Аист* – «крупная перелетная птица с длинным прямым клювом и длинными ногами, с белым или черным оперением» [8, с. 27]. *Аист* – «крупная перелетная птица с длинным прямым клювом из отряда голенастых» [9, с. 23].

Обнаруженные нами смыслы слова в семантизирующих суждениях говорящих формируются «на фоне некоторых единичных, специфических ситуаций, каждый раз требующих от языковой личности обращения к знаниям о мире, актуальным для данной ситуации, и к знаниям о языке» [9, с. 94]. Такое понимание смысла объясняет апелляцию испытуемого к пластику знаний, являющемуся общим для всех членов данного языкового коллектива. К примеру, при комментировании слова *крест*, для многих рядовых носителей языка является актуальной информация о распятии И. Христа или, интерпретируя значение слова *береза*, в обыденном сознании возникает ассоциация с родиной. Н. Л. Чулкина называет такой смысл «интерсубъективным», в котором «закодированы специфические контексты употребления, известные всем носителям языка» [11, с. 216]. Такой смысл оказывается всегда шире исходного значения. Наличие «интерсубъективного» смысла как отношения к языковому знаку не является единственной формой отношения человека к этому знаку. Существуют определенные знания о мире, обусловленные специфичной, единичной и индивидуальной для конкретного субъекта ситуацией употребления языковой единицы. В подобных знаниях присутствуют уникальные, порой окказиональные смыслы. Человека отличает «особое, нетривиальное отношение к данному знаку» [11, с. 91]. Смыслы «выступают в сознании в виде непосредственных переживаний, далеко не всегда отражающих реальные ценностные и мотивационные образования, лежащие в их основе» [1, с. 47]. А. Н. Леонтьев, говоря о формировании такого

смысла, подчеркивает, что он присутствует в сознании отдельной языковой личности, и называет этот смысл «личностным». В терминологии Н. Л. Чулкиной это «субъективный смысл». Данные психолингвистического эксперимента фиксируют довольно редкие случаи отражения «личностного» смысла в толковании слова говорящими. *Деньги* – «зло; мера, превращенная меркантильным человечеством во что-то великое и очень ценное». *Меланхолик* – «следствие низкого уровня психологической силы и воли человека». *Одежда* – «первоначально этическая составляющая человека, затем со временем возведенная в культ». В настоящей статье мы не станем подробно останавливаться на рассмотрении «личностного» смысла, т. к. он не является объектом нашего внимания. Важно отметить лишь разницу между «субъективным» смыслом как принадлежности индивидуального сознания и «интерсубъективным» как совокупном знании о мире, существующем в общественном сознании.

Итак, под значением слова мы понимаем внутреннюю понятийную сущность языкового знака, закрепленную за ним исторически, существующую в общественном сознании. Смысл же слова – это то содержание, которое получает в данном речевом воплощении и конкретной речевой ситуации слово. Слово приобретает смысл только в контексте. В связи с этим значение слова является зоной наиболее устойчивой, как отметил Л. С. Выготский (цит. по: [11, с. 88]), унифицированной и точной. В то время как смысл слова – текучий, явление весьма сложного образования (цит. по [11, с. 88]). Таким образом, семантические категории значения и смысла тесно взаимосвязаны, но в то же время их не следует отождествлять.

В семантизирующих суждениях говорящих вычленяются потенциальные смыслы слова. Словарные дефиниции не отражают (или не в полной мере отражают) выделенные носителями языка смысловые признаки конкретного языкового знака. Думается, с одной стороны, это связано с размытостью границ объема понятия лексического значения и, как результат, возникновение в речевом воплощении дополнительных смыслов; с другой стороны, это объясняется отсутствием стандартных моделей формулировки смыслов в языковом сознании и, как результат, возникновение потенциальных смыслов, не имеющих количественного ограничения.

Литература

1. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
2. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
- 3 Ким, Л. Г. Вариативно – интерпретационное функционирование текста / Л. Г. Ким. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009. – 312 с.
4. Кобозева, И. М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл / И. М. Кобозева // Язык о языке: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутю-

- новой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 303 – 358.
5. Кравец, А. С. Топологическая структура смысла. Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / А. С. Кравец; под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – С. 17 – 24.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.
7. Нестерова, Н. Г. К проблеме соотношения значения и смысла / Н. Г. Нестерова // Актуальные проблемы русистики: сб. статей / под. ред. Т. А. Демешкиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – С. 91 – 95.
8. Словарь русского языка в 4-х томах. – М.: Русский язык, 1981.
9. Словарь русского языка / под редакцией Н. Ю. Шведовой. – М., 1982.
10. Стернин, И. А. Лексическое значение в речи / И. А. Стернин. – Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та, 1985.
11. Чулкина, Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских / Н. Л. Чулкина. – М., 2009. – 256 с.